Русская
зарубежная
поэзия

— 2 —

Александр Неймирок

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

стихи

«Посев»
1953

Александр Неймирок

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

стихи

— Посев —
1953

Druck: Possev-Verlag V. Goraschek K. G. Frankfurt/Main

* *
*

Томится сном и сыростью овраг,
Шушукаются над ручьем осины...
Какое небо! Вызвездило так,
Что брызжет серебро сквозь их вершины!

Земля плывет в сверкающем раю,
От счастья вечности не замечая...
Я юность изумленную свою
Такою ночью в поле повстречаю.

СЕРБСКИЕ МЕЛОДИИ

По дубраве бродит козье стадо,
Вырезные выгрызает листья.
Расцветают гроздья винограда
В соловьином щебете и свисте.

У дороги — старая кафана.
Запах кофе и рахат-лукума;
Здесь вчера хозяину в пол-пьяна
Поп Георгий обещал быть кумом.

Но и я давно ему побратим.
Он нальет мне крепкой сливовицы,
Если только с дружеским объятьем
Я зайду к нему повеселиться.

Он черноволосый и поджарый,
На селе слывет плутом и хватом.
У него есть старые кинжалы
И венецианские дукаты.

Захмелев, еще хмельней я стану,
Лишь придет с бараниной на блюде
Семнадцатилетняя Гордана,
Смуглая и с выпуклою грудью .

По дубраве бродит козье стадо,
Вырезные выгрызает листья.
Расцветают гроздья винограда
В соловьином щебете и свисте.

БЕРЛИН 1942

Держа равненье непоколебимо,
Как серый строй вильгельмовских солдат,
На сумрачные улицы Берлина
Громады тусклолицые глядят.

И гением курфюрстов бранденбургских
Второе двухстолетие дыша,
Томится в них, как в виц-мундирах узких,
Суровая германская душа.

Кирпично-красных протестанских кирок
Пронзают колокольни облака.
По ним земли дряхлеющего мира
Струится ввысь дремота и тоска.

О, вдохновенье пасмурных элегий,
Свинцовый Шпрее, сосен и болот!
Как будто б по сей день профессор Гегель
Здесь по утрам на лекции идет.

И учит дух искать всеевропейский,
И видеть в том судьбы предвечный суд,
Что полицейский здесь, — не полицейский,
А философски зримый Абсолют.

Но логике пудовой непокорный,
Я об иной мечтаю стороне...
С душой многоголосою и вздорной
Куда бежать и где сокрыться мне?

* *
*

День за днем. Что ж, расплата натурой.
Не жалей, не люби, не кляни.
Черно-белою клавиатурой
Обернулись неверные дни.

И по ним, без тревоги, без страсти,
В утлом сумраке ноября,
Бродит бедное, грустное счастье,
Наудачу октавы беря.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Как чудо, долгожданный дождь
Пролился стрелами косыми.
Пахнуло мятой и полынью,
Сквозь слезы улыбнулась рожь,

И тишина. Лишь дятла стук,
Да вишня оправляет платье.
За строем строй, победной ратью,
Ты отшумел, мой светлый друг.

Ты отшумел! Лишь дышат смолы
В лесу, как спелые цветы...
Привет, привет мой гость веселый,
Прозрачный вестник высоты!

СОБОР

Колокольни стрельчатые эти,
Словно мачты над безбрежьем дней.
Он стоит, несясь в тысячелетья
Каменной гармонией своей.

Безответна синяя прохлада,
И тоска алтарная глуха.
Улетают в небо колоннады
От родного, близкого греха.

Что ему до вздыбленного мира?
Человек, — не трепетная ль тень?
Лбом о землю! Кайся! Dies irae . . .
Кайся, тварь, и жди последний день.

В ДОЛИНЕ

Там речка темная упруго
Скользит о придорожный вал,
Там мост высокий полукругом
Оперся об изгибы скал.

В тугом затоне плавно тонут
Румяных осыпей бока,
Холмов нахмуренные склоны
И медленные облака.

А по ночам плакучим ивам
О вольных стаях снятся сны,
И деревушка над обрывом
Глядит бесстрастно с крутизны.

И звонкий день в ней отзвенел,
И милый дом в ней опустел.

* *
*

Там, в памяти, далече,
Где мы вдвоем брели,
Плывет апрельский вечер
Над зеленью земли.

И слышен неискусный,
Рассеянный рассказ
Твоих простых и грустных,
Твоих чудесных глаз.

И, тронутые ленью,
Сквозь дрёму, сквозь весну,
Мы, две косые тени,
Уходим в тишину

* *
*

Так жить, так жить, обманывая годы
По вечерам прихлебывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай.

И толковать о Ламартине, Прусте,
И руки нежно целовать. Потом
Мечтать о море, о девичьей грусти,
Затягиваясь скверным табаком.

Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учёт чужих рождений, свадеб,
Дней ангела, крестин и похорон.

Так жить, так жить, миражным мертвым светом
Средь вымыслов неистовых химер —
Спешить пешком с копеечным букетом
На имянины к выцветшей Belle soeur,

Затянутым в тугой, потертый смокинг
В июльскую полдневную жару,
Писать в альбом апухтинские строки,
Разыгрывать любовную игру...

Так жить, так жить затерянным в лукошко,
Где призраком быть жизнью суждено...
И смерть придет. Тоскливой, драной кошкой,
Мяукнет, и царапнется в окно.

ДИ - ПИ

Давным давно он заколочен.
Давным давно в нем ни души.
Теперь попроще, покороче:
Бараки. Визы. Барыши.

Был кол, а на коле мочала...
Сиди, смотри из года в год,
Куда, в какую Гватемалу
Идет бесплатный пароход!

А был он полон, был он светел...
Да что в том толку? Вон из глаз!
Чужой язык. Слова на ветер.
Изо дня в день. Из часа в час.

* *
*

Ежатся под каплями каштаны;
Дождь был непрогляден и ленив.
Кто там сел на камень, словно пьяный,
Голову на руки уронив?

Кто там шепчет о чужом пороге?
Лишь бегут по озеру круги,
Да стихают на пустой дороге
Уходящей нежности шаги.

ТИШИНА

Ты видишь мир, но мир, — как за стеклом.
Тревожное и бренное — на слом.
Вот в комнату, сонлива и нежна,
Вплывает солнечная тишина.

Ты ждешь и слушаешь. И нет тебе
Отказа в недосказанной мольбе;
Вот в комнате рассеяность весны,
И в памяти — касанья тишины.

СЕНТЕНЦИИ

1.

Когда бормочущая лень
Все голоса земные глушит,
Когда прогорклый грузный день
Лежит распластанным удушьем,
И бродит, растегнув пальто,
По нежилым квартирам память, —
— Трудись. Лей воду в решето.
Авось не подглядит никто
Твой плач над мертвыми строками.

2

Вот так, вот так, вокзальный острый дым...
Вот так, вот так, сумятица вагонов...
Всегда, всегда в мельканьи перегонов
По всем, по всем пристанищам земным...

Лишь час прощанья с материнским домом
Неувядаем и неповторим.

3

Часто в потемках судьбы мы находим нежданно дорогу.
Слезы дождя на цветах радость и свежесть поют.
Ядом печали земной не убить напряженности слова.
Тернии дней помяни светлым и легким стихом.

РЕШЕТКА

Здесь всё просто, тихо, кротко.
Здесь, как Божьи времена.
Оснеженная решетка,
Черный глянец чугуна.

Серолапые платаны
Спят над розовым прудом.
Онемевшие фонтаны
Стерегут безлюдный дом.

Ты легко проходишь мимо,
Ты обходишь стороной
Этот мир неуловимый
За решеткою сквозной.

И чему-то улыбаясь,
Чей-то образ сохраня,
Ты уходишь, растворяясь
В суете живого дня.

ДУЭЛЬ

Упрямо смерть неся в руке,
Стал у черты, нацелился в упор...
И смутлый мальчик на песке
Заснул среди молчащих гор.

Ушел последний темный страх.
Легло прозренье на стекло зениц.
Незримых крыл свободный взмах
Провеял шелестом страниц.

Клубясь растаял серый дым.
Как нищий гроб, сурова и груба,
Потом приехала за ним,
Кряхтя, татарская арба.

А в городке, в тени забот,
Раскладывали карты и лото,
Грустили у лечебных вод,
Влюблялись... И не знал никто

Что ангел, радостно жесток,
Как лес, как скалы, как полдневный зной,
Вознес огонь смятенных строк
Над благомыслящей страной.

* *
*

Он был откуда-то из-под Орла.
Рассказывал про вспашку, про покосы,
Про летние гулянки вдоль села...

Я слушал и мерещились мне косы,
Густые, золотистые, как рожь,
Платки, гармонь... Белесый и курносый,

Он чем-то на Есенина похож
Казался. И к тому же был поэтом.
В его стихах не сразу всё поймешь:

Пожалуй, сердце отдавал куплетам,
Притягивая рифму за бока.
Раз даже согрешил плохим сонетом,

Где было, что страна, мол, широка,
И что боец за фабрики и нивы
Не убоится вражьего штыка.

А в общем был он бард неприхотливый
И улыбался сам своим стихам.
Слегка мечтательный, слегка ленивый,

Он жил не здесь, в концлагере, а там,
Где нынче, почитай, скирды убрали
И благодать полазить по садам.

Однажды, лежа со своей печалью
На утлой койке, как ненужный хлам,
Он умер...

СОЛНЦЕ

Ветру небесному сердце вручи.
Прошлое, — настежь. Наотмашь ключи.
Видишь: нам солнце зажглось в тишине,
Солнце ночное во сне.

Грозные сумерки. Трепетный час.
Солнце, как ястреб с размаху на нас.
Губы и души. Пылающий бред.
«Солнце!» И слов больше нет.

ПАРИЖСКОЕ УТРО

Зазвенели солнечные пятна,
Заиграла темная река,
Отозвались эхом многократным
Башни, голуби и облака.

У слепых лавчонок букинистов
Приостановись и посмотри,
Как дрожит в сиянии волнистом
Дымчатый утес Консьержери.

А вокруг, совсем необычайна,
Радостная розовая тишь.
Это зов тысячелетней тайны.
Это просыпается Париж.

ГОРОД В ГЕРМАНИИ

Грозно-нем, требенчат и высок,
Вал, как ящер, город обволок,
Охраняя тучный храп купцов,
Сон столетний лавок и дворцов,
Скорбную латынь могильных плит
И уклада древнего гранит.

Город строит церкви у реки,
Нанимает цесарям полки.
Пышные обозы привезя,
Наезжают жирные князья,
Кубки опрокидывают вмах,
Флаги расцветают на домах.

Прошлого развеянная пыль...
Для чего я вспомнил эту быль?
Листья пожелтевшие, века,
В стылых струях погребла река.
Многобашенный вздымался вал.
Видишь парк? Вот тут он пролегал.

Для чего приснился наяву
Город мне, в котором я живу?
Где в руинах церкви у реки,
Где звенят трамвайные звонки,
Где не молкнет гул автомашин
И американцы тянут джин?

Не затем ли, что и ты и я
Стали с этим городом друзья?

* *
*

Плещут лопасти пеной кофейной.
Клочья песен относит назад.
Сторожами веселого Рейна
Броненосные замки стоят.

И отовсюду: и справа и слева,
Настоящему наперекор,
Нам с тобой златокудрые девы
Улыбаются с солнечных гор.

Привстают охмелевшие годы,
Чудесам потерявшие счет...
Но для нас ли воспетые воды
И чужого веселья полет?

Ведь смотря на утесы живые,
Что сказаньями напоены,
Друг, мы только о ней, о России,
До отчаянья...

ФЕВРАЛЬ

Еще сырые
Поля суровы,
Еще томятся
В хлевах коровы,

Еще слезится
Снежок безвольный
И пусто в нише
Под колокольней.

Но нет одышки
Водопроводов,
Хозяин печку
Списал с расходов,

И вечерами
Пророчит бодро
Тугая стрелка:
«Тепло и вёдро»

Дрозды щебечут
Не в лад и часто,
На пары смотрит
С опаской пастор,

И скоро с первой
Весенней ранью
Тиль Ойленшпигель
Живым воспрянет.

ОКТАВЫ

Е. Романову

То было в пору, о которой суд
Едва ли даже правнукам под силу.
Казалось, что народам вскрыли жилы,
И хлынула... Но яблони цветут,
Гудят шмели, навозом пахнут вилы,
И масляное солнце там и тут
К земле ласкается с тягучей лестью,
Гуляя по берлинскому предместью,

И всюду домики из рафинада...
(Когда, куда ударит с неба смерть?),
Жасминами усеянная жердь
Ломает геометрию ограды,
А радио, — фанфары, водоверть...
И тут же марширующее стадо,
Окурки подбирающий старик,
И — Räder müssen rollen für den Sieg.

Мне ль вас забыть, веселые друзья,
Вас, спутники во вражеской столице?
Я помню вас. Я вижу ваши лица,
Я слышу речи... Впрочем, что же я?
Всё не о том! Вон тусклой вереницей
Бредут, о хлебе тихо говорят.
Их тоже помню. В валенках, босые...
По улицам Берлина шла Россия.

Что? Слышите? Да, да! Летят на город.
Как воет, как мяукает весна!
Темно и душно. (Где теперь она?
У этого солдата сальный ворот...
Вот заходила ходуном стена...)
Тишь...
          Отошло...

. . . .

Немецкие озера
Немецких весел равномерный всплеск,
И русских глаз пытливый, тихий блеск.

В карманах нелегальщина. Вот так,
Должно быть собирались франк-масоны.
А, впрочем, вздор! Отлив воды зеленой,
(И лишь бы не сплошать, не сесть впросак:
Не Петька рядом, рядом миллионы),
У берега лоснящийся лозняк,
На рыжем пне носков промокших пара,
И зарево далекого пожара.

Да! Это главное. Зеленоватый
Покой, пожар, и вера в чудеса.
И что теперь земные голоса?
Что значат эти голоса сквозь вату?
Она взмахнула, времени коса,
И обернулись календарной датой
В ночи пустынной магния огни,
Прекрасные и гибельные дни.

ГЕРАКЛ

Вон тот, что с автоматом у моста
Поставлен ветры западные слушать,
Что крутит из газетного листа
Цыгарку и мурлыкает «Катюшу».

Что ежится от ночи, от зимы,
И крякает: «Эх, чорт! Скорей в постель бы!»,
Что три недели, как из Костромы,
А ныне в десяти шагах от Эльбы,

Тот самый, что нет-нет, вздохнет порой,
Да поглядит задумчиво на реку,
Вот он и есть взыскуемый герой,
Геракл атомного века.

Когда вскипит заветная тоска,
Он, безответный, встанет исполином.
Так что ж, что скомкана и широка
На круглой голове фуражка блином?

Он выйдет, вольностью ошеломлен,
Вступить в единоборство роковое,
И труп Антея грохнет о земь он,
Переломав историю на двое.

* *
*

Дождь шумит. В окно влетают капли.
И, небесной серостью томим,
Тянется изорванною паклей
Из трубы отяжелевший дым.

Но светло на дальних косогорах.
Звонки перезовы петухов,
И склоненных вишен влажный шорох
Шепчет мне прощение грехов.

ПЕРЕВОДЫ

СЕРБСКИЕ НАРОДНЫЕ БЫЛИНЫ

(С сербского)

1. Стих о князе Лазаре и о царстве земном и небесном

Сизый сокол-птица прилетела
От святынь от иерусалимских,
И несет она синицу птицу.
Не была то сизый сокол-птица,
Это был пророк Илья-святитель.
Он не нес с собой синицу-птицу,
Грамоту он нес Пречистой Девы
Он ее на Косово приносит,
Князю на колени возлагает,
Грамота сама проговорила:
«Княже Лазарь, честного колена
Ты какое ли поволишь царство?
Царство ли небесное ты хочешь,
Или хочешь ты земное царство?
Коли хочешь ты земное царство,
То седлай коней, крепи подпруги!
Витязи берите в руки сабли
И на турок в сечу вы бросайтесь,
Всё турецкое поляжет войско!
Коль небесному ты волишь царству,
Ты воздвигни на Коссве церковь,
Пусть не красит ее стены мрамор,
Чистым шелком их крой и скарлатом
Причасти и обряди в ней войско,
С ним и сам ты, государь, погибнешь».

Царь слова выслушивает эти,
Мысли передумывает многи.
«Милый Боже, на что мне решиться?
И к какому привергнуться царству:
Царство ли небесное мне выбрать,
Или выбрать мне царство земное?
Если выберу себе я царство,
Выберу себе земное царство,
То премалое царство я выбрал,
А небесное вечно во веки».
Восхотел царь небесное царство
Пуще малого царства земного,
И воздвиг он на Косове церковь.
Не украсил он мрамором стены,
Чистым шелком их крыл и скарлатом,
Сербского зовет он патриарха,
И владык с ним великих двенадцать,
Причащает, обряжает войско.

2. Смерть матери Юговичей

Милый Боже, великое чудо!
Как собралось на Косово войско,
Девять Юговичей в этом войске,
С ними старый Юг-Богдан десятый
Бога молит Юговичей матерь
Дал бы Бог ей очи соколины,
Дал бы крылья белы лебедины,
Улетела б на Косово Поле,
Девять Юговичей увидала б
Десятого старого Богдана,
Что молила, Бога домолила:
Бог послал ей очи соколины,
Дал ей крылья белы лебедины,
Полетела на Косово Поле,

Видит девять Юговичей мертвых,
Десятого старого Богдана.
А над ними девять копий ратных ,
Девять соколов сидят на копьях,
Возле копий девять добрых коней,
Возле коней девять львов сердитых.
И заржало девять добрых коней,
Девять львов залаяло сердитых,
Девять соколов заклекотало,
Мать тут сердце твердым сохранила,
Ни однош слезы не обронила,
Но забрала девять добых коней
И забрала девять львов сердитых
Девять соколов с собой забрала
Возвратилась в белые палаты.
Как ее увидели золовки,
Выбежали сразу к ней навстречу,
Девять вдов тут горько зарыдало,
Девять тут заплакало несчастных;
И заржало девять добрых коней,
Девять львов залаяло сердитых,
Девять соколов заклекотало,
Мать тут сердце твердым сохранила,
Ни одной слезы не обронила.
Ночью, о полуночи как было,
Вдруг заржал Демьянов конь буланый.
Кличет мать Демьянову любу:
«Невестушка, Демьянова люба,
Отчего ржет Демьянов Буланко,
То ль отборной пшеницы он хочет,
То ль холодной воды со Звечана?»
Отвечает Демьянова люба:
«Ой, свекровушка, матерь Демьяна,
Он не хочет отборной пшеницы,
Ни холодной воды со Звечана,

Издавна Демьяном он научен
До полуночи просом кормиться,
От полуночи в путь снаряжаться,
Господина теперь ему жалко,
Что его на себе не примчал он».
Мать тут сердце твердым сохранила,
Ни одной слезы не обронила.
Поутру как заря занялася,
Прилетело два ворона черных;
По ключицы их крылья кровавы,
Клювы белою пеной покрыты.
Принесли они витязя руку,
На руке той перстень золоченый,
Они матери бросили руку.
Взяла руку Юговичей матерь,
И разглядывать стала прилежно,
Призывает Демьянову любу:
«Невестушка, Демьянова люба,
Не узнала ль бы ты эту руку?»
Отвечает Демьянова люба:
«Ой, свекровушка, матерь Демьяна,
Ведь рука-то нашего Демьяна,
Потому что узнала я перстень;
Перстень тот был со мной на венчаньи».
Взяла матерь Демьянову руку
И разглядывать стала прилежно,
А потом ей промолвила тихо;
«Ты рука ли, яблоко зелено,
Где росло ты, и где оторвалось!
На моей ты груди выростало,
Оторвалось на Косовом Поле!»
Тут у матери сердце живое
Разорвалось от жалости-горя
За своими девятью сынами,
Старом Юге Богдане десятом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Томится сном и сыростью овраг 3
Берлин 1942 5
Сербские мелодии 4
День за днем 6
Летний дождь 7
Собор 8
В долине 9
Там, в памяти 10
Так жить, обманывая годы 11
Ди-Пи 12
Ежатся под каплями 13
Тишина 14
Сентенции 15
Решетка 16
Дуэль 17
Он был откуда-то из-под Орла 18
Солнце 19
Парижское утро 20
Город в Германии 21
Плещут лопасти пеной кофейной 22
Февраль 23
Октавы 24
Геракл 26
Дождь шумит 27
Сербские народные былины 28